

Артур С. Костомаров

Человек перед вызовом власти, или как возможно неполитическое прочтение власти

Człowiek wobec wyzwania władzy, czyli w jaki sposób możliwe jest niepolityczne odczytanie władzy

Светлана В. Соловьева, *На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти: монография*, Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009, сс. 248

Тема власти – одна из ключевых тем современной гуманитарной мысли. Классический взгляд, представленный общественными науками, видит власть как формообразующий принцип социального, как фундаментальную характеристику социально-политического бытия. Власть понимается как принцип воздействия и подчинения, инстанция репрессирующая, ограничивающая и надзирающая. Она есть внешняя по отношению к человеку сила, которая задает и определяет границы его бытия. Как правило, сама власть в этом случае редуцируется к ее политическому смыслу, поэтому интерес исследователей связан в этом случае с раскрытием механизмов ее функционирования (как скрытых, так и явных), с анализом форм ее организации и деятельности политических институтов. Однако, раскрывая способы функционирования власти, обнаруживая ее социальный и политический смысл, общественные науки ос-

тавляют в стороне вопрос об ее основаниях, ее экзистенциальный смысл. Что же касается современного философского дискурса, – генеалогия власти (Ницше, Делез), микрофизика власти (Фуко), семиотика власти (Деррида), – то он связан с обращением к онтологической природе власти, к ее экзистенциальному смыслу, власть раскрывается здесь как организующий принцип человеческого бытия, являясь началом, которое оформляет человеческий опыт, удерживая его в заданных границах. Но все-таки вопрос об основаниях власти по-прежнему остается открытым.

В этом отношении замечательна работа С.В. Соловьевой «На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти». Автор ставит вопрос об онтологическом смысле власти, ее экзистенциальном основании. Основной замысел автора состоит в том, чтобы представить власть не как институциональный, политический принцип,

рассмотреть власть не в логике господства и подчинения, а увидеть ее как один из базовых экзистенциалов человеческого существования. Такой подход можно назвать своего рода неагрессивным прочтением власти. Двигаясь в традиции фундаментальной онтологии Хайдеггера, автор обращается не к механизмам власти и формам ее презентации в социуме – а именно этому большинство исследований и посвящены – но пытается пробиться к ее сущности, полагая власть как онтологический принцип всякого сущего и продолжая тем самым линию понимания власти, идущую от Ницше к Фуко и Делезу. Власть в трактовке автора оказывается тем силовым феноменом, который фундирует человеческое существование, наделяя его смыслом и ценностью. Следуя этому пониманию власти, С.В. Соловьева утверждает, что человек есть «властедетельное сущее». Такой ракурс понимания власти позволяет исследованию выдвинуть важный теоретический принцип: власть не есть опыт господства / подчинения, она оказывается связанной с усилием экзистенции, опытом силы, движением разделения и различия.

На протяжении всего исследования С.В. Соловьева убедительно показывает, что человеческое бытие является всегда и в любой ситуации опытом власти. Почему же бытие человека есть всегда стремление к власти или, как сказал бы Ницше, воля к власти? Ответ

автора – потому что экзистенция имеет избыточную природу. Она подвижна стремлением объявить себя, представить себя, утвердить свой смысл. Поэтому власть вписана в структуру экзистенции. Этим-то быть может и оправдан пафос всей работы: автор на стороне власти, а не в ряду ее критиков. В итоге, вместо традиционного истолкования власти как господства-подчинения появляется власть как особый экзистенциальный опыт, сопряженный с избыточностью и плодотворностью экзистенции. Избыточность экзистенции – это и есть основание власти, ее причина. Такая экзистенциальная трактовка власти позволяет пробиться к ее первичному, изначальному пониманию и тем самым реанимировать этот феномен, избавить его от различного рода социальных и политических наслоений. Власть трактуется как способ организации силы, есть форма силы. Важна не сила власти, где сила первична, а власть вторична, а наоборот – сила только возможность власти, а ее действительность – это направленность и структурированность силы. В итоге автор стремится к созданию некой «энергичной» онтологии власти.

Власть раскрывается как энергичный, силовой опыт, организуя человеческое бытие в опыте власти над вещами (феномен собственности), власти над другим (любовь), власти над собой (совесть) и, наконец, власти в культуре (власть священного, власть техники). Особо стоит отметить, насколько

ко продуманно автор обнаруживает те регионы человеческого бытия, в которых власть наиболее полно заявляет о себе. Собственность как форма власти над вещами представляется в исследовании способом, с помощью которого человек упорядочивает вещный мир, присваивает его себе, раскрывая свое место в мире вещей и обнаруживая границы своего бытия. Раздел исследования, посвященный власти над собой, где автор обращается к феномену совести, представляется одним из самых интересных в работе. Автор рассматривает совесть вне этических категорий, таких как мораль и нравственность, представляя совесть как базовый экзистенциальный феномен. Совесть понимается как феномен власти над собой, сила, которая обращает человека к самому себе, возвращает экзистенцию к ее собственным возможностям. Таким образом, С.В. Соловьевой удастся раскрыть важный базовый принцип совести как власти над собой: совесть есть то, что требует своего повторения, своей актуализации. Поэтому совесть, сама власть, обладает событийным характером. Однако, вслед за Левинасом отметим, что совесть не только возвращает меня к моим собственным возможностям, но открывает живое присутствие другого человека, который нуждается в признании своего существования.

Наконец, нельзя не упомянуть стремление автора интерпретировать и любовь как проявление власти. Любовь трактуется как развора-

чивание силовой природы экзистенции. Здесь сила и избыточность экзистенции являет себя в любовном переживании. Поэтому в исследовании говорится о любви не как о чувственном переживании, а как об экзистенциальном опыте, который захватывает и преобразует всю личность в целом. Дабы раскрыть силовую природу любви, С.В. Соловьева обращается к стратегии соблазна. Однако едва ли соблазн отвечает духу самой работы в целом, поскольку автор рассматривает любовь и власть вне логики господства-подчинения, а связывает их с силовой, энергичной природой экзистенции, с ее плодovitостью, в то время как стратегия соблазна предполагает манипулирование другим, отношение к другому как к объекту.

И, наконец, автор обращается к феномену власти в символической, культурной действительности на примере власти священного и власти техники. Идея автора состоит в том, чтобы показать, что само священное действует по принципу дара, дарения, в книге обосновывается тезис о событийности власти сакрального. Власть священного переживается в опыте причастия: здесь автор проводит интересную мысль, которая, как представляется, объясняет онтологическую укорененность человека в трансцендентном, утверждая, что избыточная природа экзистенции подобна избыточной природе священного. И снова – избыточность и плодovitость связывает человека

и трансцендентное. Итак, предпринимая экзистенциальный анализ власти, С.В. Соловьева представляет вниманию читателя своего рода апологию власти, обнаруживая ее во всех сферах человеческого опыта. Она незримо сопровождает любое человеческое действие. Власть укоренена в самом человеческом бытии. Она есть сила, энергия, своего рода жизненный порыв самой экзистенции. Думается, что автор близок к истолкованию власти как генеративного опыта, в этом контексте власть есть начало, которое организует человеческую действительность, является условием возможности всякого начинания в социальном мире (Х. Арндт). Вместе с этим, власть происходит из самого характера экзистенции, которая всегда существует как рожденное бытие, принципиально разомкнутое, не тождественное себе, не сводимое к своим состояниям и в силу этого само способное к рождению¹. Поэтому понятен пафос автора: человек – это то бытие, которое всегда находится на стороне власти. В этой связи, возникает ряд вопросов, которые, к сожалению, не получают должного рассмотрения в исследовании. Можно ли разделить понятую таким образом власть, или, короче, – возможен ли совместный опыт власти? Или власть – это всегда одиночное движение моей экзис-

тенции? Наконец, нельзя не поставить вопрос о границах власти. Внимательный читатель не сможет не отметить тот скрытый индивидуализм, который проходит через всю работу, поскольку автор, связывая власть с выражением, предъявлением экзистенции, оставляет в тени вопрос о границах этого предъявления. Думается, границей моей экзистенции выступает Другой как своего рода этический предел моего волеизъявления, всякой моей манифестации в мире. Представляется, что раскрытие этих вопросов придало бы исследованию большую основательность и завершенность.

В заключение никак нельзя не отметить еще один важный момент. За каждой страницей этого текста всегда стоит сам автор, его позиция, его лицо. Автор не просто исследует некую научную проблему, но пытается решить важную экзистенциальную практическую задачу, не просто открывает читателю некое знание, но стремится создать условия, в которых читатель переживает внутреннюю трансформацию, проблематизирует себя, ставя ряд вопросов, на которые он должен дать ответ. Все это делает работу С.В. Соловьевой «На стороне власти: Очерки об экзистенциальном смысле власти» актуальной не только в рамках научного дискурса, но также придает ей и практическую значимость, поскольку она позволяет человеку обратиться к своим основаниям, обнаруживая, раскрывая себя в опыте становления, опыте силы и энергии.

¹ О генеративном опыте см.: Щитцова Т.В. *Memento nasci*: сообщество и генеративный опыт. Вильнюс, 2006.